

Г.Н. Нурышев

**Россия в современной
геополитике**

Геннадий Нурышев

Россия в современной геополитике

«ИСЭРТ РАН»

2012

Нурышев Г. Н.

Россия в современной геополитике / Г. Н. Нурышев — «ИСЭРТ РАН», 2012

ISBN 978-5-93299-200-5

В монографии представляются результаты исследований, связанных с анализом тенденций и закономерностей развития России, ее места в глобальном геополитическом пространстве. Материалы книги, предназначенной для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, позволят углубить их геополитические знания.

ISBN 978-5-93299-200-5

© Нурышев Г. Н., 2012
© ИСЭРТ РАН, 2012

Содержание

Введение	5
Глава 1	7
1.1. Теоретико-методологические аспекты внутренней геополитики	7
1.2. Западный вектор российской внутренней геополитики	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Геннадий Николаевич Нурышев

Россия в современной геополитике

Введение

В современных условиях государства как субъекты международного права перестают быть единственными и главными факторами современной геополитики. Формирование транснационального мира ведет к «перетеканию» внутренней политики государств во внешнюю и наоборот. Граница между ними становится условной. Современные процессы мирового развития приводят к повышению субъектности регионов, их геополитической и геоэкономической самоидентификации в национальном и глобальном аспектах. Геополитическое измерение конфликтов начала XXI вв. проявляется в том, что на относительно небольшом региональном пространстве сталкиваются интересы крупнейших держав мира, воспроизводится глобальное цивилизационное, социально-экономическое противоборство. Поэтому традиционное понимание геополитики трансформировалось, наполнилось новыми смыслами. Расширилось понимание ее базовой категории – феномена пространства. В условиях глобализации стала актуальной проблема внутренней геополитики, сохранения единого внутреннего геополитического пространства государства. Префикс «гео» в контексте современных геополитических проблем уже увязывается не только с географическим пространством, но и с иными пространственными категориями. Расширилось понимание ее базовой категории – феномена пространства. К иным пространственным категориям относится все чаще упоминаемая в последнее время категория геоэкономического пространства (сфера, в которой функционирует глобальная экономическая система, рассматриваемая в ракурсе мирового воспроизводственного процесса). На Западе геоэкономика заявила о себе как новый вид геополитики для утверждения нации-государства в небывалых мировых масштабах. В современной исследовательской литературе на первый план все чаще выходят и пространственные категории, которые имеет смысл рассматривать, опираясь на культурологический подход.

К таким категориям относится, прежде всего, геокультурное пространство, под которым подразумевается система устойчивых культурных реалий и представлений, формирующихся на определенной территории. В данной ситуации конкретное государство, территория, регион предстают как некая геополитическая, геоэкономическая и геокультурная целостность, демонстрирующая динамический момент в геополитическом анализе. Развал СССР и восточного блока сделал возможной геополитическую концепцию западной империи в постмодернистском смысле и показал эффективность геополитических технологий «управляемого хаоса».

Глобальные процессы показали, что прежняя система эксплуатации мировой периферии исчерпала свои возможности. Поэтому Запад уже активно осваивает национальное геополитическое, геоэкономическое, геокультурное пространство России, других стран СНГ и Прибалтики. Глобальные геополитические акторы надеются «заморозить» сырьевую направленность постсоветского пространства. Слабость символического капитала российской геополитики, отсутствие на государственном уровне геополитической практики символических действий, стратегического планирования ее исторической, политической судьбы могут привести к потере геополитической субъектности государства в глобальном геополитическом пространстве.

Актуальность проблемы и ее недостаточная научная разработанность определили выбор темы, цель и задачи исследования. Объектом исследования стали современные процессы в глобальном геополитическом противоборстве. Предметом исследования стал процесс анализа места современной России, тенденций и закономерностей ее развития в глобальном геополити-

ческом пространстве. Поэтому нам представляется целесообразным раскрыть основные, актуальные на нынешнем этапе, геополитические концепции и методы геополитической экспансии в современном глобальном геополитическом пространстве, роль России в мировой геополитической конкуренции. Для достижения этой цели были поставлены следующие основные задачи:

- определить основные направления современной геополитики, которые представляют особую актуальность в настоящее время;
- провести сравнительный анализ актуальных геополитических концепций современности;
- систематизировать основные теоретико-методологические основания этих концепций;
- выявить основные тенденции и закономерности в современном геополитическом противоборстве;
- рассмотреть роль и место России в современных геополитических процессах;
- раскрыть теоретико-методологические основы геополитического анализа региональной структуры геополитического пространства современной России;
- раскрыть актуальные геополитические вызовы и угрозы современной России;
- обосновать базовые параметры современной российской геополитики, предложить пути повышения ее эффективности;
- проанализировать основные пути укрепления геополитического пространства и территориальной целостности России как субъекта мировой геополитики.

Монография базируется на теории и методологии, изложенной в фундаментальных трудах отечественных и зарубежных исследователей по проблемам современной геополитики. Работа состоит из четырех глав. Первая глава посвящена раскрытию теоретико-методологических вопросов внутренней геополитики России. Принимая во внимание важность таких актуальных направлений, как геоэкономика, геокультура, геополитика хаоса, они выделены соответственно в отдельные главы. При изложении теоретико-методологических вопросов последней главы показана связь с проблемами, которые нашли свое отражение в предыдущих главах.

Глава 1

Внутренняя геополитика России

1.1. Теоретико-методологические аспекты внутренней геополитики

В современной геополитике все более актуальными становятся вопросы обеспечения успешного контроля государством собственного геополитического пространства в максимальном объеме на основе внутренних геополитических факторов в целях сохранения и повышения своего геополитического статуса в глобальных геополитических процессах. Эти вопросы являются объектом внутренней геополитики государства.

Роль и значение отдельных территорий и регионов в геополитическом положении государств в мире подчеркивали в своих трудах еще классики геополитики. Так, Х. Маккиндер выделял геополитическую роль Восточной Сибири, расположенную восточнее Енисея и богатую природными ресурсами, назвав эту малозаселенную территорию *Lenaland*. К. Хаусхофер в своей геополитической доктрине отмечал германские территории *Kleindeutschland*, а также *Grossdeutschland*. Региональный подход к геополитическим явлениям осуществил французский географ П. Видаль де ла Блаш (1920-е гг.), который предпринял анализ внутригосударственных территорий.

Школа И. Лакоста специально выделяет в качестве своих исследований «внутреннюю геополитику», считая, что территориальный конфликт, региональные явления, а не государство в целом является главным объектом анализа. В 1986 году Лакост и тридцать шесть других авторов издали гигантское трехтомное исследование развития «региона» во Франции. Изучение региона стало примером исследования «внутренней геополитики» в отличие от анализа «внешней геополитики» [328, 230—250].

В основе теории Лакоста – анализ конкретных региональных (локальных) ситуаций с использованием некоторых методологических моделей, заимствованных из инструментария классической геополитики. Геополитические соображения в его концепции служили лишь для оправдания устремления властных инстанций относительно определенных территорий и населяющих их людей. Как отмечает А. Дугин, «внутренняя геополитика» Лакоста как бы «деглобализирует» геополитику, отказываясь от глобальных парадигм, существенно сужая масштаб и конкретизируя предмет исследования. То есть, предметом изучения выступает уже не формальная зависимость внешнеполитической стратегии государства от его месторасположения, ресурсной базы и иных географических условий, и не вопросы глобального миропорядка, а, скорее, методы государственного регулирования на собственной территории и формы регионального взаимодействия на уровне межгосударственных взаимоотношений [87, 133].

В японской геополитике в первой половине XX века развивались принципы и методы пространственного планирования для внутренней Японии и ее колоний – Маньчжурии, Кореи, Формозы. По мнению многих зарубежных исследователей, включая Г. Спенсера и М. Вебера, внутренние, региональные процессы государства представляют собой важные элементы геополитической динамики [428, 94-104].

Можно выделить несколько подходов в зарубежных исследованиях внутренней геополитики государств. Так, упомянутый выше мир – системный подход делит геопространство на ядро, полупериферию и периферию по роли территорий в экономике (эксплуатация или подчинение) и уровням экономического развития (высокий или низкий). Для И. Валлерстайна

контактная зона – это «мантия» (полупериферия) ядра цивилизационного ареала либо периферия по отношению к ядру.

Эволюционный подход к исследованиям государства выделяет государствообразующие ядра, или геополитические центры. При этом эволюция государственной территории понимается как линейный или циклический процесс приращения или потери территории. Н. Паундс, рассматривая линейный рост государственной территории, выделял исторические ядра, из которых «произрастает» всякое государство [416, 6]. Некоторые государства возникают на основе объединения нескольких ядер. Дж. Паркер выделяет в составе государства геополитическое ядро, или геополитический центр, который имеет три слоя. Первичный слой – небольшая территория, первичное ядро, место зарождения и начало роста государства. Далее следует исторический слой, историческое ядро – результат расширения небольшой территории тех земель, которые изначально тяготели к первичному слою и образовали с ним единое государство. Третий слой формируется на основе присоединения иноэтнических земель, территории других, более слабых государств. Так, по Дж. Паркеру, появляются периферии разных степеней удаленности от центра государства [410, 8].

Другие представители этого направления рассматривают эволюцию как изменения политического пространства во временной динамике. Модель Паундса объясняет рост государственной территории «разбуханием» первоначального ядра. Так, Ван Валкенбург в русле теорий локальных цивилизаций понимает развитие пространства страны как пульсацию политического организма соразмерно его возрасту.

Представители функционального подхода (Ф. Ратцель, Э. Шилз) считали государство консолидированной пространственной системой. Их больше интересовали способы поддержания стабильности пространства, а не анализ исторической динамики. Государство в таком случае рассматривается как единство противоположных сил – центробежных и центростремительных. Государство поддерживает своё единство путем вертикальной интеграции социальных групп и горизонтальной интеграции регионов. По Э. Шилзу, центр (система публичной власти) играет активную, инновационную роль в государстве. Периферии же – пассивны и традиционны. Они лишь воспринимают импульсы нового по сетям коммуникации, идущим из центра.

В функциональной теории основным автором стал американский исследователь Р. Хартшорн, рассматривающий государство как комплексную интегрированную территориальную систему, которая обеспечивает единство через вертикальную интеграцию социальных групп и горизонтальную интеграцию территориальных сообществ [377, 95-130]. Р. Хартшорн создал в 1950-60-х гг. региональную парадигму исследований, которая делает акцент на неповторимое разнообразие политико-географических структур («уникальность места»). Глобальные геополитические явления трактуются как следствие регионального разнообразия, как итог взаимодействия многочисленных «пространственных интересов земной поверхности». Его воззрения как учение о территориальной интеграции базировались в русле взаимодействия центростремительных и центробежных сил. Центробежные процессы подпитываются внутригосударственными различиями (природное, этно-конфессиональное разнообразие, социально-экономические контрасты, фрагментированное распределение территории, ареалы распределения конфликтов и т. д.). Главной центростремительной силой для Р. Хартшорна остается государственная идея.

Американский географ С. Коэн в рамках анализа мировых геополитических процессов выделяет иерархию уровней пространства. Низовой уровень составляют внутригосударственные территории – «ворота» (gateway regions). По модели С. Коэна, «ворота» обеспечивают коммуникацию между государствами. Площадь «ворот» обычно невелика. Главное качество подобной контактной зоны – проницаемость для взаимного влияния партнеров коммуникации. Такие регионы имеют доступ к зарубежному пространству. Часто они самобытны по своей

истории и культуре, этническому и языковому составу населения, религии. Зоны контакта имеют устойчивые традиции трансграничной торговли, инвестиционно привлекательны. Слабость «ворот» – в их зависимости от внешних источников сырья и источников сбыта, уязвимости для военной либо дипломатической блокады. Основная функция «ворот» – стабилизация геополитической системы за счёт придания ей гибкости, накопление политического опыта компромиссов и обмена достижениями.

Другой американский исследователь Дж. Шперлинг считает, что США геополитически, экономически, культурно разделены на две «нации» – ретро– и метроамериканцев. Первые заселяют Юг, Средний Запад, горные районы, вторые – оба побережья и территорию вокруг Великих озер. Ретро-американские штаты – это, главным образом, «глубинка», связанная со старой экономикой. Метро-американские штаты – это зона новой экономики, преобладания городов-метрополисов. Они расходятся между собой даже по системам ценностей [423].

Во всех этих подходах зарубежных исследований региональной политики встает проблема взаимоотношений «центр-периферия». Смысл этих взаимоотношений в структуре геопространства государства западными исследователями чаще всего связывается с неравномерностью распределения по территории функций управления и воспроизводства инноваций. В самом общем виде речь идет о внутригосударственных контрастах любого происхождения. Периферия государства определяется с точки зрения А. Стинкомба как территория, минимальная уязвимость которой от центра близка или выше некоего критического значения. Это значение определяется как уязвимость, достаточная для центра хотя бы для обеспечения им регулярного сбора налогов, несмотря на возможное местное сопротивление [425, 216—232].

В зарубежных исследованиях внутренней геополитики выделяются четыре концепции отношений «центр-периферия»:

1. Инновационная концепция. Центр ассоциируется с местом, в котором происходит выработка собственных инноваций или трансляция инноваций, заимствованных извне. Периферия, в свою очередь, с запозданием воспринимает эти инновации или их отторгает. Территориальные неравномерности в воспроизводстве инноваций и времени их восприятия исследуются в теории диффузии инноваций.

2. Управленческая концепция. Функции управления распределены по территории неравномерно. В геопространстве, таким образом, хорошо выражены отношения господства – подчинения: одни территории и центры правят, другие – подчиняются. Центр ассоциируется с местом, из которого осуществляется управление политическими процессами. Существует формальная управленческая структура: каждое государство имеет столицу, административные центры регионов и управляемую «провинцию», т. е. периферию. Эта структура совпадает с сеткой административно-территориального деления [316, 181].

Особое место в рамках управленческой концепции занимают исследования роли места столиц в структуре геопространства страны. Помимо «формальной» столицы можно говорить о фактических управленческих региональных, культурных центрах.

3. Социально-экономическая концепция. Здесь экономически более развитый центр противопоставляется менее развитой периферии. Во многих исследованиях в отношении «центр-периферия» подразумевается именно экономический контекст (например, в мир – системном подходе в геополитике). Социально-экономическая концепция отношений «центр-периферия» имеет определенное политическое значение. Наличие экономических ресурсов часто стимулирует развитие политических центров, рост их особых амбиций. В качестве примера можно привести попытки обособления Северной Италии – экономического центра страны от южной периферии, вылившиеся в сепаратистское движение, которое возглавила Лига Севера (бывшая Ломбардская Лига).

4. Существует теория «внутреннего колониализма», описывающая политическую иерархию территорий в составе государства, которая объясняется экономическим неравенством.

Для периферии характерна ориентация на производство сырья, местная рабочая сила отличается низкой квалификацией. В то же время центр берет на себя переработку сырья и обучение специалистов. Теория «внутреннего колониализма» объясняет отношения между центром и периферией в неомарксистском ключе. Считается, что «униженное» положение периферии стимулирует сепаратизм, если на этой территории проживают национальные меньшинства. Периферия становится рассадником т. н. этнорегиональных движений, или в других терминах – антисистемных движений – левых, леворадикальных, националистических. Исследования сепаратизма уделяют значительное внимание таким «внутренним колониям» и их развитию [316, 184—185].

Все эти описанные концепции отношений «центр-периферия» по определению статичны. Они показывают конкретный срез структуры геополитического пространства государства. Но возможна и динамическая (историческая) концепция отношений «центр-периферия». В рамках этой концепции анализируются центры и периферии государствообразующего процесса. С точки зрения отношений «центр-периферия» государствообразующий процесс рассматривал норвежский исследователь Стейн Роккан, который взял за основу макрорегиональный уровень – европейский и изучал историко-географический процесс государственного строительства в Европе. Теоретической основой многих работ Центра геополитических исследований стали выдвинутые С. Рокканом концепции «структуры раскола» между центром и периферией и «поясом городов» [421]. Эти темы регионализма стали предметом политической и академической моды в исследованиях индустриальных обществ Запада [418, 1].

С. Роккан исследует процесс расслоения геопространства идеального территориального сообщества, которое характеризуется минимальной дифференциацией. Расслоение происходит в трех измерениях – военно-административном, экономическом и культурном. Основные процессы структурирования «изначального» геополитического пространства – фрагментация, сжатие и реорганизация. В результате всех этих процессов и сформировалась европейская территория с ее определенной политико-исторической структурой. Для геополитики особое значение имеет предложенная С. Рокканом типология периферий. Он выделяет четыре типа периферий:

1. Буферные периферии (*interface peripheries*), которые находятся между крупными государствообразующими ядрами и исторически испытывают воздействие с разных сторон. Основная часть таких периферий в Европе находится на стыке романовских и германских народов, другими словами – между ядрами Франции и Италии с одной стороны, Германии и Австрии – с другой. Примерами служат Бельгия, Люксембург, Эльзас и Лотарингия, франкоязычная Юра в Швейцарии, Савойя, Валле-д'Аоста, Ницца и Южный Тироль.

2. Внешние периферии – отдаленные окраинные земли, обычно – периферийные приморские районы (Исландия, Фарерские острова).

3. Анклавные периферии, которые со всех сторон окружены чужеродным ареалом (рете-романские районы Граубюндена в Швейцарии).

4. Периферии неудавшегося центра – территории, которые пытались стать центром государствообразования, но эта попытка оказалась неудачной (Шотландия, Каталония, Аквитания, Бавария) [417].

Модель «центр-периферия», точнее ее инновационная концепция тесно связана с теорией диффузии инноваций. Здесь под инновациями подразумеваются новые политические явления, идеи, которые постепенно распространяются по геопространству. Автор этой теории – шведский географ Торстен Хегерstrand, основные работы которого вышли в конце 1960-х годов. Он занимался исследованиями южных районов Швеции, предметом его анализа были процессы распространения тех или иных социально-политических явлений. Им была открыта пространственно-временная картина этих процессов, затем появилась и специальная теория.

Модель «центр-периферия» является небесспорной. Необходимо отметить, что отношение к территориям как к центрам и перифериям не должно иметь аксиологической окраски, т. е. периферия не может восприниматься как что-то вторичное или отсталое. Возможен альтернативный подход, который снимает предвзятое отношение к периферии, – двухполюсные и многополюсные модели, в которых периферии считаются особыми центрами (традиции, консерватизм) [316, 181—186].

Характер взаимоотношений Центра и регионов, способ распределения власти между ними определяют форму государственного устройства и структуру управления внутреннего геопространства. Во многих современных государствах государственно-территориальное устройство базируется на принципах федерализма.

Зарубежные авторы в исследованиях геопространства государств не ограничиваются рамками «центр-периферия». Немало уделяется внимания синергетическим эффектам управления в региональном геопространстве. Так, по мнению немецкого исследователя Д. Фюрста, характерными особенностями регионального регулирования являются, во-первых, в отличие от институционализированной системы государственной власти – система координации коллективных действий региональных акторов по достижению ими совместно поставленных целей. Во-вторых, интеграция трех видов управленческой логики: иерархической (управление политико-административными единицами), рыночной (управление хозяйствующими субъектами), социоэмоциональной (управление социальной и культурной сферами). В-третьих, смещение акцентов от регулятивного к кооперативному типу государственного управления, от централизованного к децентрализованному самоуправлению, от административно-территориальных – к функциональным отношениям внутри регионального геопространства [375, 370—380].

С точки зрения федерального ведомства ФРГ по строительству и пространственному планированию, региональное сетевое геопространство – это формы кооперации в регионе, при которых партнеры добровольно и равноправно соединяют и дополняют свои способности и потенциалы для того, чтобы совместно лучше выполнять свои задачи [405, 2]. При этом региональные сети рассматриваются, как отмечает И.В. Арженовский, в качестве антипода конкуренции территорий, хотя они сами вызваны к жизни обостряющейся глобальной конкуренцией [7, 54—55].

Зарубежный опыт стимулирования синергетических процессов в регионах представляет, безусловно, непосредственный интерес для решения актуальных проблем внутренней геополитики Российской Федерации.

Теоретико-методологические основы геополитического анализа регионов современной России должны строиться, на наш взгляд, прежде всего, на конституировании роли и значения внутренней геополитики Российской Федерации и ее методологии.

Методология внутренней геополитики в российском геопространстве исходит из целого ряда объективных предпосылок. Остановимся на некоторых из них.

1. Региональная стратификация в России имеет глубокие исторические корни.

С самого рождения Россия была полиэтническим государством. Древняя Русь IX—XII вв. объединяла более 20 различных этнических групп. Во времена феодальной раздробленности (XIII—XV вв.) исконно русские земли представляли собой многочисленные самостоятельные княжества со своими границами и порядками, которые долго давали о себе знать после образования централизованного государства и отложились в его геополитических кодах.

Сочетание климатических и бассейновых факторов привело к тому, что в Древней Руси возникают две оси политической интеграции: вертикальная днепровская, и горизонтальная, лесостепная. Горизонтальная ось шла от Карпат через днестровский и южнобужский секторы лесостепи, пересекала днепровское средоточие и уходила в донецко-донской сектор лесостепи. Вертикальная ось до лесостепного Поднепровья шла на север к Ладогe, чтобы через волоки

соединить бассейн Днепра с бассейнами Западной Двины и Ловати. Расположившийся в перекрестке перевернутой Т-образной конструкции Киев, «мать городов русских», уже с VI—VII в. в. стал выступать как центр консолидации геополитической общности восточных племен и племенных союзов. Подобная геополитическая формула уже с самого начала предопределяет феномен многоликости Руси, задает алгоритм ее постоянных умножений.

При всей продолжительности племенной геополитики, способствующей медленному освоению пространств Западной Евразии и созданию все новых обитаемых «островов» у речных и озерных урочищ, она завершилась, сменилась на более сложную. Племенные «острова» образовывали целые «архипелаги», внутри которых и между которыми развивались контакты. Возникали союзы племен, а там, где благоприятствовала среда, – городища и грады, становившиеся в условиях войны убежищами для окрестных племен, а в мирное время – местами их общения, торговли, общих празднеств и принятия политических решений. Результатом этих процессов стало формирование полисной геополитики, которой противостояла деспотическая, предполагающая «собрание земель «с помощью экзополитарного народа-войска, т. е. дружины, которая вставала над градами и весями, над племенами, чтобы выступать как дисциплинирующая сила. Эта модель отражена в легенде о призвании варягов [117, 85].

2. Геополитические революции конца XX и начала XXI вв. коренным образом изменили геополитическую картину мира. Они были обусловлены мощными геополитическими процессами на территории бывших СССР и стран социалистического содружества. Глобализация мировой экономики и децентрализация управления экономикой отдельных государств детерминировали, как отмечалось выше, геополитическую самоидентификацию регионов, а также возрастание значения внетерриториальных, трансграничных отношений. Не случайно сегодня ТНК уже ставят на повестку дня проблемы корпоративного гражданства, создают соответствующие организационные и коммуникативные условия внутри компании [244, 99].

3. Геополитическое положение России после распада Советского Союза и появления на его территории новых государственных образований стало трансрегиональным. На любом из участков своего собственного пограничья Российская Федерация имеет выход на определенные геополитические регионы мира. Более половины субъектов Федерации, пять из шести крупных ее геоэкономических регионов стали пограничными. В них проживает около половины населения России, что затрагивает политическое сознание и поведение региональной элиты. Ее деятельность приобретает все большее геополитическое звучание.

4. Особый характер имеет региональная структура российского государства. Российские регионы отличаются большими территориями, значительно превосходящими территории многих государств мира. Политико-географические образы российских регионов соизмеримы геополитическими образами многих государств мира. Региональные центры, бесспорно, представляют новый потенциал России, но если политическая ситуация будет неблагоприятной, они будут конкурировать с Москвой и вызовут внутреннее напряжение в государстве.

5. Региональный фактор частично компенсирует незавершенность институционализации партийной системы, формирования социальных общностей (классов, других социальных групп), способных самостоятельно артикулировать свои политические и экономические интересы. Поэтому в отношении регионов актуальны слова А. Хаусхофера: «Геополитика определяет взаимоотношения между окружающим человека пространством и политическими формами жизни» [379, 16].

Доминантные особенности региона, требования социально-экономической политики делают его потенциальным субъектом политических интересов и втягивают в борьбу разнообразных геополитических сил.

6. Сочетание огромного пространства России с ее относительно небольшим и, к сожалению, постоянно редющим населением ставит ряд региональных геополитических вызовов и угроз, ответы на которые предопределяют судьбу и геополитическое положение страны на

многие десятилетия вперед. Одним из ключевых факторов мирового веса и геополитического статуса России остаются ее собственное единство и целостность – не только политическая, экономическая, но и социальная, культурная, демографическая. Таким образом, осуществление действенного контроля над отдельными территориями страны выходит на передний край.

Эти рассмотренные нами объективные предпосылки и проблемы определяют роль и значение российской внутренней геополитики и ее методологии. Они взаимосвязаны и оказывают системное влияние на геополитические процессы в стране.

Но внутреннюю геополитику РФ нельзя сводить к региональной социально-экономической политике в Российской Федерации по целому ряду оснований.

1. Внутренняя геополитика непосредственно призвана решать стратегические задачи общей глобальной геополитики Российской Федерации, ее национальной безопасности. Региональная политика решает скорее тактические задачи социально-экономического развития регионов. Внутренняя геополитика вытекает из объективной закономерности развития государства, региональная политика – из программы конкретного правительства на данном этапе времени.

2. Внутренняя геополитика России как «открытая система» не совпадает с административными границами РФ. Структурные единицы объекта внутренней геополитики формируются как океаническо-континентальные таксоны, которые являются естественно-географической, этнополитической и экономической предпосылкой формирования внутренних геополитических и геоэкономических регионов. А региональная политика базируется в целом на сложившейся «сети административно-территориальных единиц».

3. Внутренняя геополитика направлена на обеспечение территориальной целостности и единства политического, экономического, духовного пространства России как хартленда (heartland), как субъекта мировых геополитических процессов.

Сегодня ввиду недостаточной оформленности политических отношений внутри страны говорить о целостности региональной системы и, соответственно, региональной политики пока не совсем корректно. В России до сих пор четко не различается государственное и региональное строительство.

4. Внутренняя геополитика структурирует геопространство Российской Федерации как субъекта мировой геополитики на геополитическое ядро, полупериферию и периферию (внешнюю, буферную, анклавную, неудавшегося центра и т. д.) по роли территорий в истории становления государства, по геополитическому значению регионов и в русле взаимодействия центростремительных и центробежных геополитических сил на основе реализации функций управления, воспроизводства инноваций и контроля над всем геопространством. Российской системе региональной хозяйственно-политической деятельности такая задача картографирования локализованной деятельности территорий до сих пор не ставилась.

5. Внутренняя геополитика определяет формы регионального взаимодействия на уровне межгосударственных и трансрегиональных отношений, учитывает особенности сорасположения составных частей страны по отношению к третьим странам – союзникам и потенциальным геополитическим противникам. Современные процессы глобализации – с одной стороны, и регионализации – с другой стороны будут способствовать дальнейшему развитию таких социальных сетей, которые не входят в парадигму региональной политики.

6. Внутренняя геополитика решает задачи обеспечения действенного контроля над территориями государства, которое в условиях процессов глобализации теряет привычную ранее монолитность, и его регионы становятся субъектами мировой политики, удовлетворяющими не только региональные, но и общегосударственные потребности. В этих условиях исчезают привычные ранее границы между внутренней и внешней политикой.

7. Внутренняя геополитика должна анализировать этнополитические процессы (включая конфликтогенные) в регионах, учитывать геополитические коды региональных этниче-

ских систем, богатство их социального генофонда как части мировой геочивилизационной системы, оценивать геополитическую роль междивилизационного, трансрегионального взаимодействия, которые не являются объектом региональной политики.

8. Объектом и субъектом внутренней геополитики является региональная политическая элита в той мере, в какой ее деятельность как внутри страны, так и на международной арене затрагивает общегосударственные, геополитические интересы. Трансрегиональный политический маневр элиты может быть реализован в качестве ресурса для дальнейшего структурирования российского геополитического пространства.

9. Внутренняя геополитика анализирует региональную структуру как некую результирующую взаимодействий в геопространстве Российской Федерации разного рода силовых геополей (военных, политических, экономических, культурных, идеологических и т. д.), носителями которых выступают российские регионы.

10. Внутренняя геополитика выявляет и отвечает в регионах на геополитические вызовы и угрозы, на военно-политическое давление, экономическую, информационно-психологическую, культурно-историческую, этноконфессиональную, демографическую экспансию различных геополитических сил, определяющих особенности глобального развития.

Внутренняя геополитика направлена на обеспечение региональной и национальной безопасности государства как актора мировых геополитических процессов.

11. Задачей внутренней геополитики является выработка национальной идеологии, мировоззрения, объединяющего регионы в единое духовное пространство, что является необходимым условием повышения геополитического статуса страны в мировых процессах. Непосредственное решение всех этих задач региональная политика не предполагает.

В тоже время региональная политика и геополитика государства как его внутренняя и внешняя функции неразрывно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Причем характер взаимосвязи не линейный, жестко детерминированный, где одна сторона выступает причиной, а другая следствием, – она носит функциональный характер, причина и следствие в ней могут меняться местами. Особенности этой связи во многом определяются теми стратегическими целями, на которые ориентируется государство. Отсюда вытекает правило: если правящая элита стремится к внешнему могуществу, территориальной экспансии, то вся внутренняя политика, в том числе региональная, выполняет подчиненную роль, служит реализации геополитических замыслов. Если же государственное руководство стремится в первую очередь к обеспечению внутреннего развития, то в этом случае задача геополитики – обеспечить стабильность, благоприятные внешние условия для реализации внутренних задач. В любом случае найти оптимальное соотношение между внутренней региональной политикой и геополитикой – важнейшая задача правящей элиты любого государства, тем более государства с такими региональными и геополитическими проблемами, какие есть у современной России [80, 193].

В методологии внутренней геополитики государства вообще и России в особенности важное место занимает категория геопространства. Геополитический смысл или вектор внутренняя геополитика приобретает только тогда, когда она четко связана с единым геопространством страны, становящимся причиной и местом возникновения геополитического процесса, оказывающего влияние на глобальное развитие. Та или иная территория региона представляет ценность не только как таковая, но и как часть единого геополитического пространства страны.

Геопространство и, прежде всего, российское представляет собой важный властный ресурс. Управленческие решения, законы достигают периферию лишь через определенное, иногда очень значительное время и, зачастую, уже с определенными искажениями и интерпретациями. Такие остроосязаемые периоды безвластия, «провисания» властных отношений на деле означают, что само пространство от центра до окраины, от столицы до границы является, по сути, своеобразным политическим актором, оказывающим влияние на геополитическое положение страны [107, 34]. При этом механизм воздействия властного центра на политиче-

ское пространство социума нелинейного времени можно образно сравнить с распространением кругов от брошенного в воду камня. Если импульс слабый в пространстве он затухает.

Геополитика предполагает государствоцентричный взгляд на проблему пространства. При этом метаобразность геополитики мира постмодерна ведет к интерференции (усилению или ослаблению) совершенно различных пространственно-смысловых коннотаций¹. И внутри политико-географического образа (ПГО) государства могут быть в соответствии с принципом матрешки ПГО ее территорий (регионов) [107, 111]. Россия из однополюсной неуклонно превращается в многополюсную страну. Регионализация пробуждает к жизни, наряду с Москвой, и другие центры притяжения, которые начинают выполнять геополитические функции. Так, Санкт-Петербург, благодаря своему местоположению, промышленному и научному потенциалу, постепенно становится «северной столицей». На особую роль претендует Нижний Новгород. На Урале естественным центром ввиду экономической и научной мощи области является Екатеринбург. В Сибири несколько городов претендуют на роль столицы макрорегиона. В силу своей отдаленности и пограничного положения особняком оказались Владивосток и Калининград. На юге России Ростов-на-Дону выступает с особыми претензиями. Казань так же претендует на роль одной из цивилизационных, конфессиональных «столиц» России.

Поэтому под воздействием глобализации и регионализации в регионах формируются многоуровневые системы геопространства, в котором геополитический процесс имеет соответственно многоуровневое и многокачественное измерение. Он может быть представлен как последовательное чередование качественных состояний геопространства страны, геополитического значения регионов и может развиваться в сторону укрепления геополитической роли государства или в сторону его ослабления.

Геопространство имеет по своей природе сетевую структуру. Не случайно, испанский политолог М. Кастельс характеризует современное общество как «общество сетевых структур», главным признаком которого является доминирование политической морфологии над националистическим действием [368, 469—470]. Поэтому включение в сетевые структуры, конфигурации сетевых потоков в регионах становятся доминирующими политическими тенденциями геопространства современных государств.

Понятие «геопространство» «позволяет в наиболее формализованной и нормативно определенной форме охарактеризовать состояние сопряженности различных многоуровневых систем, складывающихся, развивающихся и функционирующих в рамках единой территории государства, региона. Это совокупная сфера влияния сообщества политических акторов. Геопространство имеет ресурсы: географические, экономические, социальные, демографические, идеологические, культурные, административно-правовые. Пространственное расположение этих ресурсов образует различные уровни организации геопространства: политическое, правовое, экономическое, духовное и т. д. Отсюда геопространство государства имеет в качестве структурных элементов соответствующие пространства (политическое, экономическое...).

Таким образом, геопространство государства имеет сложную организованную интегральную структуру, состоящую из политического, экономического, социального, культурного, физического пространств. «Наложение этих пространств создает дифференциацию интегрального геопространства – социально-экономических и природных условий политической деятельности: специализации и структуры хозяйства, уровня и образа жизни, наконец, политической культуры, – подмечает Ю.В. Тихонравов. – Глубинная основа дифференциации геопространства – динамично развивающийся процесс территориального разделения труда» [308, 27].

¹ Коннотация (от лат. *connotatio* – добавочное значение) – дополнительные черты, оттенки, сопутствующие основному содержанию понятия, суждения.

Геопространство России в рамках такой структуры состоит из геополитического ядра, внешней, внутренней полупериферии и периферии. Внешняя периферия – это Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ и т. д. Все жизнеспособное пространство регионов сконцентрировано, приближено к своему центру. То же самое можно наблюдать в отношении районных пространств. Но каждый регион, район и иная административно-территориальная единица имеет свой центр, полупериферию и периферию.

Внутренняя периферия – совокупность периферий районов, областей, краев, республик, пространств, отдаленных от административных центров регионов, районов. Полупериферия – это пространство между сердцевиной, ядром региона и его окраиной, административной границей, между центром и дальними уголками территории района. Внутренняя периферия и полупериферия – это не сплошное, не целостное, а фрагментарное пространство. Разные части полупериферии ориентированны на внутренние, а периферии – на внешние центры. Единый пространственный каркас внутренних полупериферий и периферий отсутствует. Это совокупность разрозненных частей подавляющего большинства регионов страны. В периферийном пространстве другие территории решают свои задачи, чуждые этому пространству. Такое пространство несамостоятельно, не самодостаточно, неспособно к саморазвитию. Ее ресурсы эксплуатируют свои или чужие центры и территории.

Внутренние полупериферия и периферия начинаются в сотнях километров от Москвы и пронизывают насквозь даже самые освоенные регионы, занимая в них немалую часть территории. Своя внутренняя периферия каждого региона обречена на прозябание, на деградацию. Она становится все менее связанной внутренне и все более отдаленной от центра не в пространстве, а во времени (из-за свертывания транспортной инфраструктуры) и социальной доступности. Внутренняя полупериферия занимает промежуточную позицию. Здесь еще присутствуют отдельные «точки» роста, развития и еще не столь заметны процессы деградации.

Внутренняя периферия – это не провинция, которая является самобытной зоной традиционной жизни и хозяйства, пространственно сложной и сплошной, культурно богатой, потенциально самодостаточной и способной к саморазвитию [134, 55—57].

Внешняя полупериферия начинается с Урала. Его пространство исторически формировалось как индустриальная часть общего геопространства страны. Урал был местом ссылки и каторги, куда бежали тоскующие по воле. Чем дальше от Москвы, тем больше свободы или хотя бы ее возможности. Здесь остались осколки казачества и старообрядчества, российского аналога протестантизма. Южная часть полупериферии – прежняя Новороссия с ее смешением языков и этнических типов [109, 60].

Региональная структура России в конкретный момент политического времени является некой результирующей целенаправленных усилий по изменению геополитического пространства. Причем усилия эти могут исходить, как отмечалось выше, от центральных и региональных властей, и даже извне. Здесь важной задачей геополитических исследований являются фиксация, анализ и прогноз пространственных взаимодействий разного рода силовых геополей (военных, политических, экономических, культурных, идеологических и т. д.), носителями которых выступают российские регионы. Источником сложных силовых взаимодействий могут быть Центр, сами регионы, а также внешние геополитические силы, определяющие глобальные процессы. Здесь под полем мы понимаем пространство, в котором можно обнаружить взаимодействия различных сил. При этом политическое пространство в целом может включать в себя множество влияющих друг на друга полей [256, 101]. Единое геопространство государства как причина и место возникновения геополитических процессов порождает специфические закономерности:

1. Действие позиционного принципа (давление места), суть которого охарактеризована Б.Б. Родоманом. Им выявлены взаимозависимость и взаимозаменяемость положения объекта в пространстве с его физическими свойствами и функциями (ролями). В соответствии с этим

физические и функциональные свойства нередко объясняются через географическое положение. Такие сведения первых к последнему называются позиционной редукцией. Установлено, что если объект не находится в точке своего территориального оптимума, то можно допустить, что на него действует сила, названная давлением места, или позиционным давлением. Объяснение внутреннего содержания региона его положением в пространстве Б.Б. Родман и назвал позиционным принципом [269, 14—20]. В геополитическом пространстве также действует позиционный принцип и давление места в нем выражено сильнее [240, 100].

2. Стремление к сбалансированию компонентов, действие закона факторной относительности, принципа окружающего соседства и компромиссного сосуществования.

3. Одновременное существование дискретных и континуальных геообразований (задание зон и ареалов; азональности).

4. Тенденции к образованию локальных неоднородностей и последующей концентрации на них вещества, энергии и информации (задание зон влияния и соответствующих потоков).

5. Формирование особой структуры геопространства как отработку в бескомпромиссной борьбе энтропийного и неэнтропийного процессов (отсюда стремление к выделению географических структур, наличие границ разной степени размытости).

6. Стремление к сближению разноуровневых систем как одну из основных тенденций в развитии геопространства и др. [314, 32—46].

Во внутренней геополитике России Москва как геополитический Центр объединяет российское геопространство четырьмя основными геополитическими векторами:

- 1) восточным (Москва – Восток),
- 2) западным (Москва – Запад),
- 3) северным (Москва – Север),
- 4) южным (Москва – Юг).

Соответствующие этим векторам периферийные пространства обладают специфическими характеристиками и особой структурой. Таким образом, главным содержанием темы «внутренней геополитики» России является анализ геополитической структуры этих четырех периферийных пространств, качества и характера геополитических векторов, связывающих их с Центром.

Западный и южный векторы, с геополитической точки зрения, «незакончены», «открыты». Они упираются в сложную геополитическую систему значительного территориального объема, которая отделяет континентальную массу России от идеальной границы – береговой линии. Южные и западные границы России, с геополитической точки зрения, представляют собой широкие пояса, отделяющие центральную часть от береговой линии. В этом отношении эти два вектора представляют собой наиболее уязвимые для России направления, и вся геополитическая динамика по этим осям является крайне напряженной, сложной, имеющей множество уровней и измерений.

Западный и южный векторы сочетают в себе как внутренне-, так и внешнеполитические аспекты, так как здесь регионы собственно России-Евразии плавно переходят в зоны, находящиеся под контролем других государств, некоторые из которых принадлежат к лагерю талассократии. Северные и западные границы России совпадают с береговой линией, «государств-прокладок» не существует, и поэтому политическая динамика в этих направлениях исчерпывается внутривнутриполитическими темами. На Севере и на Востоке Россия имеет законченные геополитические границы. Две пары лучей дают полную геополитическую симметрию. Протяженность северных и восточных берегов России сопряжена с демографической разряженностью, коммуникационной неразвитостью. Западные и южные границы сухопутны, густо заселены, ландшафтно разнообразны и представляют собой объемные полосы значительной площади. Векторы, идущие из центра к периферии, «импульсы континентальной экспансии», сталкиваются постоянно с противоположным силовым давлением талассократии [87, 302—305].

1.2. Западный вектор российской внутренней геополитики

Характер западного вектора внутренней геополитики России определяется непосредственным соприкосновением ряда российских регионов со странами, входящими в блок НАТО. По мере включения России в процессы глобализации из-под контроля государства стали ускользать обширные традиционно им контролируемые сферы жизнедеятельности общества. Это ведет к утрате государством многих инструментов социального контроля, механизмов социального регулирования, что неизменно означает ослабление государственной власти, «размывание» суверенитета Российской Федерации. В этих условиях большинство факторов внутреннего национального развития становятся предметами международного внимания, от которого в решающей степени зависит место Российского государства и ее регионов в системе мировых координат. Поэтому во внутренней геополитике России стали актуальными и военно-стратегические вопросы.

Вступление стран Балтии в НАТО непосредственно стало затрагивать безопасность западных регионов России. Исчезла буферная зона, которая разделяла стороны. В странах Балтии вновь воссоздаются и расширяются военные объекты. На прежних аэродромах Советской Армии в Балтии размещаются теперь боевые самолеты Североатлантического блока. В Польше продолжается активное строительство инфраструктуры для войск НАТО, включая расширение аэропорта, военного порта Гдыни, размещение противовоздушных командных пунктов и станции связи, соединенной системой предупреждения НАТО и морскими кораблями. Разрушая Берлинскую стену и Варшавский договор, последнее руководство Советского Союза не позаботилось о правовом обеспечении военно-политического нейтралитета своих бывших союзников, а тем более – республик, входивших в состав СССР. В результате военные силы НАТО оказались в 130 километрах от Санкт-Петербурга. Военные эксперты отмечают, что США приняли Доктрину первого, обезоруживающего удара 80 тысячами крылатых ракет по административным и военным центрам, в том числе по шахтным пусковым установкам с точностью в 1,5-2 метра и с интенсивностью пуска в 1000 ракет в сутки. Подлётное время стратегической ударной авиации НАТО от границы Эстонии до Санкт-Петербурга не превышает 4 минут, до Москвы – не более 18. «Зачистку» территории от очагов сопротивления после обезоруживающего удара крылатыми ракетами могут провести войска НАТО в составе 24 дивизий и 254 бригад, имеющих на вооружении только в Европе до 13 тысяч танков, 25 тысяч боевых бронированных машин, несколько тысяч самолетов. В целом ВС США и НАТО на территории континентальной Европы имеют 2 армии, 23 дивизии, 84 полков и бригад, 10014 танков, 18890 орудий, 543 корабля с 2500 крылатыми ракетами и 3862 самолета. А ВС РФ на Северо-Западном и Западном стратегических направлениях имеют всего 3 дивизии, 4 полка и 5 бригад, 510 танков, 1200 орудий, 88 кораблей (без крылатых ракет) и до 200 самолетов. Таким образом, возможности российских ВС на этом стратегическом направлении на порядок ниже группировки ВС США и НАТО [54, 6-8].

На территориях стран Балтии, как и в Польше, теперь можно разместить любой военный контингент и самые современные боевые системы. Таким образом, в Польше и Балтии уже создана и будет расширяться далее натовская военная инфраструктура, обеспечивающая США и их союзникам возможность быстрого сосредоточения в непосредственной близости от российских границ значительного количества современного вооружения, военной техники и войск.

Соединенные Штаты уже располагают потенциалом стратегической мобильности, обеспечивающим в сочетании с уже существующей в «принимающих странах» инфраструктуры возможность быстрой переброски значительного количества современного вооружения, военной техники и войск на территорию Польши и стран Балтии. В составе «трансформированных»

дивизий американских сухопутных сил уже созданы бригадные боевые группы, которые с техникой и вооружением в течение дух суток могут быть оперативно переброшены в Польшу и страны Балтии. И США делают это в отсутствие всякой объективной военной необходимости и соответствующих военных рисков и угроз своей национальной безопасности. Становится очевидным, что США их союзники по НАТО и, в первую очередь, Польша, рассматривают Балтийский регион и как место возможного крупномасштабного военного конфликта, готовясь к участию в нем, и как плацдарм для дальнейшего и планомерного наращивания в нем своего военного присутствия.

Таким образом, на западном геополитическом векторе сама военная угроза национальной безопасности России стала реальностью. И вопрос состоит лишь в вероятности ее реализации в тех или иных условиях обстановки [214]. В связи с этим реальная (а не «словесная») готовность России к парированию возникшей угрозы должна быть обеспечена и поддерживаться уже сегодня.

В этих условиях Минск является единственным, пока еще не потерянным, стабильным политическим и военным союзником Москвы. Его потенциал может (и должен) быть максимально использован для своевременного и эффективного парирования военной угрозы, исходящей России на Западном направлении от НАТО, в первую очередь, с территории Польши и стран Балтии. Что предполагает, как минимум, возможность покрытия из российского бюджета на безвозмездной основе части оборонных расходов Беларуси. Видимо, привычка ведения «политического» диалога с Беларусью через «Газпром», РАО «ЕС России», министерство финансов или иные структуры не является адекватной современной военно-стратегической обстановке [214].

Политические процессы в 90-ые годы вызвали эрозию единого геополитического пространства страны. Поэтому в настоящее время весьма опасными региональными геополитическими вызовами являются начавшиеся в начале 90-х годов XX века в постсоветской России процессы территориальной дифференциации страны, которые породили сильные территориальные контрасты и диспропорции между субъектами Федерации. На западном геополитическом векторе наибольшую озабоченность в этом направлении, вызывает статус Калининградской области. Сохраняется опасность «ползучего реванша» со стороны Германии. Одной из неофициальных концепций является образование «Ганзейского региона Балтика» с включением в него трех прибалтийских государств и «Еврорегиона Кёнигсберг». Главная цель сторонников этой концепции – создание в ближайшие годы таких политических, экономических и юридических условий, которые позволят поставить вопрос о приеме «Еврорегиона Кёнигсберг» в члены Европейского союза вслед за Литвой, Латвией и Эстонией. При этом участие России никоим образом не предполагается. Видимо, считается, что экономическое развитие «под крылом» Германии позволит создать такую политическую ситуацию, при которой «Еврорегион Кёнигсберг» будет иметь достаточную юридическую автономию от России, чтобы самостоятельно решить вопрос о своем вступлении в Евросоюз. Некоторые литовские политики действуют даже решительнее немецких. Калининград они называют Караяучюсом, а всю территорию этого российского региона – не иначе как Малой Литвой. На разного рода международных форумах распространяется изданная в США «Энциклопедия Малой Литвы», в которой Калининградская область обозначена как «Караяучюсский край Литвы, оккупированный Россией», как «этническая земля балтов» и часть их «исторического наследия».

Представитель организации «Единство Балтии» Г. Багатис полагает, что президенты балтийских стран должны выступить с совместным заявлением, признающим факт оккупации Россией «Кёнигсбергского края», и вынести его на рассмотрение ООН. На уровне парламентской политики Литвы прослеживается стремление изолировать Калининград от остальной территории России, а саму Россию – от интеграционных процессов в Евросоюзе [125]. В основе своей финансовой и технической поддержки Калининградской области ЕС и ряда его членов

лежит создание европейского лобби в калининградской интеллектуальной, бизнес– и управленческой элите, которая сейчас определяет и будет определять калининградское будущее, а также формирование нероссийской территориально-государственной идентичности населения области. Сепаратистские настроения распространены среди молодежи. По данным администрации Калининградской области, в западном направлении молодые калининградцы перемещаются чуть ли не в шесть раз интенсивнее, чем в восточном. В направлении отделения Калининградской области от России на практике работают и некоторые депутаты Калининградской областной думы. Калининградские законодатели подготовили законопроект о придании данному региону статуса федерального округа или отдельной федеральной территории. Входящий в группу разработчиков законопроекта областной депутат С. Гинзбург решил пойти дальше простого обособления Калининградской области от России и предложил... в одностороннем порядке отменить въездные визы на территорию Калининградской области. Как будто речь идет не об отдельном федеральном округе, а уже об отдельном государстве. Тут уже у обозревателя В. Мартынюка возникает совершенно резонный вопрос, воспринимает ли С. Гинзбург калининградскую землю как часть России. Похоже, считает обозреватель, что авторы законопроекта и не скрывают намерения сделать Калининградскую область фактически суверенной, хотя на бумаге обозначают это максимально обтекаемо. Иначе как тогда можно расценить следующее разъяснение, данное «Независимой газете»: дескать, обособление региона от остальной России поможет «защитить местный бизнес от потока ведомственных инструкций, которые мешают развиваться калининградской экономике»? [43].

Все это у В. Мартынюка неизбежно освежает в памяти речи лидеров бывших советских республик на заре «новой России» перед «парадом суверенитетов», которого (суверенитета) республики взяли (каждая – себе) столько, сколько можно было унести.

Он приводит общую оценку инициативе калининградских депутатов со стороны Генерального директора Центра политической информации А. Мухина в беседе: «Любое направление в сторону суверенизации этой территории имеет свои подводные камни. Этот процесс будет, безусловно, поддержан некоторыми заинтересованными лицами в той же Германии, в Польше, странах Балтии. Они, так или иначе, заинтересованы в том, чтобы Калининградская область со временем все больше и больше отделялась от России. Балтийские страны изначально критически оценивали право России на Калининградскую область, так что любая форма суверенизации этого региона ими уж точно будет воспринята скорее в радость. Подобные инициативы в конечном итоге ведут лишь к подрыву государственности и просто ухудшают связь этой территории с «материком». Эксперт считает, что последние инициативы тамошних депутатов ведут лишь к подрыву российской государственности [195]. Поэтому во внутренней геополитике России необходимо принять решительные меры по укреплению единого геополитического пространства страны. Следует значительно усилить степень коммуникативных, в первую очередь, транспортных связей основной территории России с ее Калининградским анклавом. На данном направлении необходимо развивать и расширять все виды регулярного прямого сообщения, начиная от паромного – на Санкт-Петербург, до авиапассажирских перевозок (не только самолетами, но и вертолетами), в первую очередь на Санкт-Петербург, Новгород, Псков. При этом государство должно дотировать жителям Калининградской области – гражданам России до половины их расходов (стоимости билета), связанных с использованием ими услуг национальных пассажироперевозчиков при перемещении с территории анклава на основную территорию России и обратно. Жителям Калининградской области – гражданам России (почти 800 тыс. чел.), необходимо создавать условия для удобного и быстрого перемещения на основную территорию России, а не «облегчать» условия для выезда из страны, как это делается сейчас [214].

На западный геополитический вектор России оказывают влияние и другие геополитические вызовы, среди которых следует, прежде всего, выделить территориальные, так как по

всему периметру государственной границы Российской Федерации сопредельные государства имеют территориальные претензии. На страницах финской прессы периодически поднимается вопрос о предъявлении территориальных требований к России.

Ряд финских организаций продолжают мечтать о «Великой Финляндии», в которую войдут: часть территории Норвегии, Швеции, Эстония, Выборг, Карелия, Кольский полуостров, Архангельская область. Наиболее радикальные финны считают, что «Великая Суоми» будет простираться даже до Урала. Выступая за возвращение «исконно финских земель», спикер финского парламента Р. Уосукайнен даже допускает проведение этнических чисток на этих территориях. В финской прессе появился подробный отчет о презентации книги «Возвращение Карелии» В. Сакси. По его мнению, РФ должна отдать Финляндии Северное Приладожье, Карельский перешеек и Печенгу, вернуть деньги, выплаченные в качестве репараций СССР, а также возместить материальный ущерб, нанесенный финской стороне в ходе военных действий и в послевоенный период. Журналист Бэкман в статье «Финляндия без маски» пишет: «Многие финские официальные лица ждут, что Россия распадется за 2015—2025 годы, в результате чего обширные территории отойдут к Финляндии. По мнению финнов, Россия является в экономическом плане ничтожно маленьким государством-паразитом и развивающейся страной, жадные руководители которой разворовывают все средства, приходящие из-за рубежа» [259].

Геополитическая экспансия соседних государств ведет к снижению государственной идентичности людей. В пограничных регионах близость к границе стала отражаться на менталитете людей, укладе и традициях местного сообщества. Идет ассимиляция, развиваются общественно-политические, торгово-экономические, культурные связи, перенимаются иностранные нормы и правила.

Так, с 1992 года в Печорском районе идет процесс предоставления жителям эстонского гражданства. К настоящему времени более 10 000 печерян имеют гражданство Эстонии (всего в районе живет около 25 тысяч человек). Лица с двойным гражданством баллотируются на выборах в местное самоуправление, проходят службу в правоохранительных органах, работают в государственных учреждениях, отмечает эстонский новостной портал Delfi. «Некоторые граждане Печорского района Псковской области, имеющие два гражданства – российское и эстонское – могут являться орудием экономической экспансии Эстонии в Псковской области, конкретно – в Печерском районе», – заявил начальник Пограничного управления ФСБ России по Псковской области генерал-майор И. Бобряшов. Он также обеспокоен тем, что молодые люди, имеющие два гражданства, предпочитают служить не в российской армии, а в эстонской. «Проводимая политика Эстонии в отношении Печорского района является рычагом, с помощью которого эстонские власти и неправительственные радикальные структуры, опираясь на данную категорию граждан (с двумя гражданствами), смогут прибегнуть к реализации своих устремлений в экономической и политической экспансии в отношении территории РФ», – подчеркнул И. Бобряшов [17]. Все это подрывает символический капитал российской геополитики.

В некоторых российских регионах под благовидным предлогом объективного изучения своего края внедряются если не сепаратистские настроения, то, во всяком случае, идеи исключительности отдельных территорий и их исторического тяготения к соседнему зарубежью. Как замечает политолог А. Балиев, в исследованиях тверских историков и экономистов «Проект «Исток Западной Двины в еврорегионе «Даугава-Западная Двина»: возможности партнерства стран и регионов в территориальном сотрудничестве через границы» в 2010—2011 гг., подчеркивается историческая, социально-экономическая и географическая принадлежность Тверского региона к Балтии и Скандинавии.

Исследователей в первую очередь интересует процесс формирования еврорегиона «Даугава – Западная Двина», социально-экономической интеграции территорий, которые включают в себя Калининградскую, Ленинградскую, Псковскую и Новгородские области, Белоруссию,

государства Европейского Союза – Латвию и Литву. С обретением статуса еврорегиона на этой территории исследователи предполагают здесь создание свободной экономической зоны, формирование балтийской евро-региональной идентичности. По мнению А. Балиева, подобные исследования и трактовки стимулируют своего рода экономико-политический и административный дрейф любого региона от общероссийского пространства. И эта тенденция в последние годы характерна для краеведения ряда регионов РФ.

Это связано не только с возрождением сепаратистских идей и их стимулированием извне, но и с ухудшением социально-экономического положения всё в большем числе субъектов Федерации. Всё больший разрыв в уровне доходов мегаполисов, особенно Москвы, и российской «глубинки», усугубление социальных, экологических проблем в ряде регионов становятся питательной почвой для оправдания сепаратистских устремлений в местной интеллектуальной элите, что ведет к «центробежным» тенденциям не только в экономике и административно-территориальном управлении, но и в общественном сознании [13]. Это приводит к вольному или невольному исчезновению из политического дискурса, как элит, так и широких масс представления о России как целостном, неделимом субъекте, размывается категория общего для всех россиян интереса, идея политико-экономического, правового и социально-культурного сообщества всех граждан РФ. А это, в свою очередь, – прямая угроза геополитической субъектности государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.